

М. В. Сандакова

**Своеобразие картины мира Василия Аксенова:
взгляд сквозь призму субстантивной метонимии**

В статье описана субстантивная метонимия как одно из тропических средств создания художественной картины мира Василия Аксенова на материале текстов ряда его романов.

Пристрастие к метонимии – одна из характерных черт идиостиля писателя. В его прозе метонимические номинации приобретают яркую образность. В них объективируется авторское представление о реалиях советской действительности, в частности тоталитарной системы, к которой Аксенов относился с откровенной неприязнью. Образным метонимическим номинациям Аксенова присущи такие свойства, как высокая экспрессивность, отрицательная оценочность, ироничность, иногда стилистическая сниженность, грубоватость: ср. Единодушное Одобрение (о советском народе), рыла (о высших партийных руководителях сталинского периода).

Можно выделить несколько способов усиления экспрессивно-стилистического эффекта субстантивной метонимии, характеризующих индивидуальную манеру Аксенова: 1. Расширение области действия узуальных метонимических моделей: стилистическое расширение (включение в сферу действия модели разговорно-сниженных и просторечных слов); лексическое расширение (включение в сферу действия модели слов, которые обычно не образуют метонимических переносов по данной модели). 2. Использование индивидуально-авторских метонимических моделей. 3. Многоступенчатость метонимического переноса. 4. Акцентирование метонимического значения посредством определения-прилагательного. 5. Ослабление ограничений в употреблении синтаксически связанных метонимических значений (использование метонимических значений имен свойств и состояний в номинативной функции без предварительной предикации). 6. Контекстное сочетание метонимии с другими типами значений слова (с прямым значением, с другим метонимическим значением).

Ключевые слова: картина мира, стиль, прямое значение, метафора, олицетворение, экспрессивность, контекст, узуальный, окказиональный, субстантивная метонимия, регулярная модель переноса, индивидуально-авторское значение.

M. V. Sandakova

**Originality of Vasily Aksionov's Picture of the World:
a View through the Prism of Substantive Metonymy**

In the article substantive metonymy is described as one of the stylistic devices to create the art picture of the world of Vasily Aksionov on the material of texts from some his novels.

Addiction to metonymy is one of the typical features of the writer's idiosyncrasy. In his prose metonymic nominations get bright figurativeness. In them the author's idea of realities of the Soviet reality, in particular the totalitarian system which Aksionov treated with frank hostility is objectified. Such properties as high expressivity, negative estimation, irony, sometimes stylistic roughness are inherent in Aksionov's figurative metonymic nominations eg. Unanimous Approval (about the Soviet people) snouts (about the highest party heads of the Stalin period).

It is possible to allocate some ways of strengthening of the expressional and stylistic effect of substantive metonymy which characterize Aksionov's individual manner: 1. Expansion of the scope of usual metonymic models: stylistic expansion (inclusion into the coverage of the model of the colloquial lowered and colloquial words); lexical expansion (inclusion into the coverage of the model of words which usually don't form metonymic transfers on this model). 2. Use of the individual and the author's metonymic models. 3. Multigradualness of the metonymic transfer. 4. Emphasis of the metonymic meaning by means of the definition-adjective. 5. Weakening of restrictions in the use of the syntactically connected metonymic meanings (use of the metonymic meanings of names of properties and states in the nominative function without preliminary predication). 6. Contextual combination of metonymy with other types of word meanings (with a direct meaning, with another metonymic meaning).

Keywords: a picture of the world, a style, a direct meaning, a metaphor, personification, expressivity, context, usual, occasional, substantive metonymy, a regular model of transfer, an individual-author meaning.

Метонимия традиционно рассматривается как один из основных тропов, ср. [13, с. 64–66; 6, с. 170]. При этом в ряде лингвистических работ подчеркивается, что метонимия обладает меньшими, по сравнению с метафорой, выразительными возможностями. По мнению Е. А. Юриной, система образных представлений в языке является результатом метафорических переносов и лишь «отчасти метонимического миромоделирования» [18, с. 27]. Н. В. Черникова пишет, что «метонимическим переносам свойственна низкая экспрессивность, стилистическая нейтральность, высокая номинативность» [15, с. 87]. Сходное мнение высказывает В. В. Чхеидзе: «В отличие от языковой метафоры, которая характеризуется образностью, наличием коннотаций, экспрессивностью, языковая метонимия утрачивает двуплановость и экспрессию» [16, с. 118]. Причины «отставания» метонимии кроются в ее типологических особенностях. Назовем те из них, которые важны для нашего последующего описания.

1. Номинативная функция метонимического значения в языке.

Тропы, как известно, служат для образной характеристики объекта. Метонимия же в языке предназначена главным образом для выполнения идентифицирующей функции и прежде всего называет, а не характеризует (в отличие от метафоры) [2, с. 348–353].

2. Менее яркая образность метонимии (по сравнению с метафорой).

Если метафора «работает на категориальной ошибке» [2, с. 348], метонимия – на «смещении фокуса внимания» с одного объекта на другой [9, с. 241]. Если при метафоризации возникают связи между значениями слова, метонимия предполагает связи между объектами мира. Е. В. Падучева подчеркивает: «...связи по смежности существуют не между смыслами, а в действительности» [9, с. 241].

В метонимическом наименовании оказываются подхваченными сразу оба смежных друг с другом объекта. Новое содержание в качестве составного компонента включается в исходное. Такое объединение способствует сохранению двуплановости как основы образности, но при этом сглаживает ее. Как пишет Д. М. Поцепня, «в случае метонимического переноса нет резкой противопоставленности двух планов (как при метафоре)» [10, с. 157].

3. Стандартность переносов по метонимической модели.

В работах по лексической семантике ([1; 12; 17] и др.) подчеркивается, что метонимия обладает высокой регулярностью. Метонимические переносы «противостоят... метафорическим именно своей большей “организованностью” и “продуктивностью” соответствующих моделей» [17, с. 224].

Кроме того, сама регулярность метонимии имеет иной характер, по сравнению с метафорой. Признаки, лежащие в основе метафорических переносов, всегда индивидуальны. Описывая регулярную метафору в русском языке, Г. Н. Складаревская приходит к выводу, что в процессе образования каждой конкретной метафоры трудно обнаружить общие закономерности. Напротив, метонимические значения, порождаемые действием узуальных моделей, обычно не индивидуализированы. Поэтому метонимия предсказуема, она «дает основание безошибочно предугадать, предвидеть развитие семантики в определенном направлении» [12, с. 29]. Стандартность и предсказуемость затрудняют создание выразительных индивидуально-авторских переносов.

В то же время авторы ряда работ, посвященных изучению метонимии в художественном тексте, нередко подчеркивают несправедливость занижения тропеических возможностей метонимии, ср. [3; 11].

Возможности метонимии как средства выразительности обусловлены природой самого переноса. Образность в языке обычно «возникает в случае установления особого рода семантической связи между двумя языковыми единицами, когда материальный знак одной языковой единицы ассоциируется со значением другой» [5, с. 51]. Метонимия представляет собой не прямое именование объекта, номинативный сдвиг, при котором происходит, по выражению Р. Якобсона, «захват ближайшего предмета» [19, с. 330]. Именно это создает двуплановость, которая лежит в основе образности метонимического значения.

Тропеические функции метонимии в значительной мере формируются благодаря контекстными связям. Лингвистами не раз отмечалось, что контекст способен актуализировать образ, обновить стершуюся выразительность тропа, оживить внутреннюю форму слова. Для метонимии контекст играет особенно важную роль. Если метафорическое значение проявляет выразительность уже на уровне отдельного слова, то у нейтрально-номинативного метонимического значения выразительность может быть пробуждена воздейст-

вием контекста. О. Э. Королева приходит к выводу, что образное метонимическое значение – это «чаще всего явление не словарное, а текстовое, реализующееся главным образом в художественной литературе» [3, с. 80]. О возможностях метонимии, открывающихся в дискурсе, пишет О. В. Раевская [11].

Яркую иллюстрацию стилистических возможностей субстантивной метонимии в художественном тексте дает проза Василия Аксенова. С самого начала писательской деятельности (60-е гг. XX в.) и на протяжении всего творчества Аксенову был присущ «решительный отказ от насаждавшихся языковых и мыслительных штампов» [4, с. 11]. Для его текстов характерно широкое использование элементов разговорной речи и жаргонизмов, разнообразие средств выразительности, позволяющее автору переходить от грубоватости (и даже грубости) к высокой патетике, от иронии и каламбура подниматься до проникновенного лиризма. По словам А. С. Немзера, Аксенов «не подыгрывал читательским вкусам, а формировал их, не имитировал языковые вольности, а расковывал интеллигентскую речь...» [8, с. 19]. Легкость манеры письма, свежесть и раскованность языка проявляется у Аксенова и в характере использования тропов, в частности метонимии.

Язык Аксенова отражает своеобразие его картины мира. Неприятие советской действительности, критика тоталитарной системы имеет у него глубоко личную окраску. Тем выше эмоциональный накал его антисоветских инвектив. Аксенов не скрывает неприязни (а порой ненависти) к представителям партийной бюрократии и карательных органов, к тоталитарной идеологии, принизившей сознание людей. Советская Россия в изображении Аксенова предстает перед нами как мир, искалеченный тоталитарной системой. Неприязнь находит выражение, в частности, в метонимических номинациях реалий советской действительности, в которых объективируется авторское представление о советской действительности. Например, в романе «Ожог» для обозначения советских людей Аксенов использует словосочетание *Единодушное Одобрение*, в котором чувствуется и презрение, и горькая ирония по отношению к безликой человеческой массе, единодушные которой объясняется неспособностью к проявлению личной позиции:

– *Эй вы, Единодушное Одобрение, трусы проклятые... <...> Девушки наши решили, что агитатора сейчас убьют, но Единодушное Одобрение молчало, глядя на нас непонимающими, слегка угрюмыми, но в общем-то спокойными глазами. Вокруг на огромных просторах Оно ехало мимо*

нас в автобусах и самолетах, развозило из Москвы в сетках апельсины и колбасу, сражалось на спортивных площадках за преимущества социализма, огромным хором исполняло оратории... (Ожог.)

Под сатирическим пером Аксенова высшие партийные лица превращаются в *рыла*: *На предсъездовском закрытом пленуме ЦК собрание рыл показалось Сталину сомнительным. <...> Каким образом на уровень пленума ЦК поднимаются незнакомые рыла? <...> Малоизвестные рыла, как полагается, возглашали: «Да здравствует Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза!» <...> Эти малоизвестные рыла, наверное, думают о его смерти, постоянно переглядываются, может быть, даже шушукуются. (Москва Ква-Ква.)*

Типичные для художественной прозы наименования одежды в функции имен лиц, обычно указывающие на социальную принадлежность, статус или профессию человека, у Аксенова, кроме этого, нередко несут дополнительную смысловую нагрузку. Он использует такие номинации при введении в повествование отрицательных персонажей. Внешняя деталь, бросающаяся в глаза, становится опознавательным знаком представителей мира, чуждых и враждебных героям, которым автор симпатизирует. Таковы, например, двое сотрудников НКВД во главе с Чепцовым, одетые в пальто с *мерлушковыми воротниками*, в сцене ареста матери главного героя (юноши Анатолия Бокова) из романа «Ожог»: *Складка щеки на мерлушковом воротнике богатого пальто, серп крутого голого затылка, тяжелый молоток лба, маленькая мерлушковая же шапочка с кожаным верхом... <...> На заднем сиденье были двое: еще один мерлушковый воротник... а рядом – дама. (Ожог.)*

Из враждебной среды и человек с университетским значком, руководивший обыском в квартире Аргентова: *«Значок» задергивал «молнию» на своей папочке. <...> – Никодим Васильевич, неужели вы думаете, что мы не знаем, кто вы? – мягко сказал «значок» и надел мягкую шляпу. <...> «Университетский значок» лишь задергал на Куницере свой взгляд и лишь чуть-чуть поморщился. (Ожог.)*

Таким же способом обозначены представители карательных органов в романе «Москва Ква-Ква»: *Кто они, эти большевики пальтищи и велюровые шляпы? <...> Словно в ответ на эти мысли, вестибюль стал заполняться чинами МВД и МГБ. Она поняла, что погоны и кокарды заодно со*

шляпами и поднятыми воротниками. (Москва Ква-Ква.)

В произведениях Василия Аксенова можно выделить несколько **способов усиления экспрессивно-стилистического эффекта субстантивной метонимии.** Остановимся на них.

1. Расширение области действия узуальных метонимических моделей

Во-первых, в произведениях Аксенова встречаются случаи стилистического расширения области действия модели. Например, в русском языке для обозначения человека как носителя интеллекта обычно используются нейтральные номинации *ум, голова* (нередко с определением), ср.: *Выдающиеся умы нашей современности бьются над решением проблемы...; Были привлечены самые умные головы...* Ср. употребление в данной модели стилистически сниженного синонима *башка*: *Подвыпив, то тут, то там прокисшие башки вели какие-то бесконечные прокисшие толковища.* (Московская сага.)

Ср. также ироническую метонимию *шляпенция* вместо нейтрального обозначения *шляпа*: *Шляпенции внимательно наблюдали процедуру. Нарарьянц в этих ночных трепещущих огнях смахивал на классического Иуду с полотен позднего Ренессанса. Он, стоя сзади и стараясь не засветиться, что-то нашептывал шляпенциям в ороговевшие уши.* (Москва Ква-Ква.)

Во-вторых, расширение может быть лексическим. Оно реализуется во включении в сферу действия модели лексических единиц, которые обычно по данной модели метонимии не образуют. Такое расширение усиливает выразительность переноса: *Вскоре уже все плясали... даже дядюшка Галактион при всех семи пудах своего жизнелюбия, не говоря уже о гибких джигитах-племянниках...* (Московская сага.) В модель *свойство* → *носитель (субъект) свойства* вовлекается номинация *жизнелюбие*, приобретая контекстное значение ‘полное тело’. Контекст поддерживает ассоциативную цепь, порождающую метонимию: *жизнелюбие* → *любовь к застолью, еде* → *полное тело* → *вес в семь пудов.*

Лексическое расширение области действия модели относится к явлениям контекста. Это индивидуально-авторские метонимии, хотя и образованные по регулярным языковым моделям.

Усиление окказионального начала наблюдается, если сама модель незузальна.

2. Использование индивидуально-авторских метонимических моделей

Индивидуально-авторская метонимия, как и метафора, обладает большей выразительностью,

по сравнению с языковой. Например, при обозначении людей существительным *портреты* возникает индивидуально-авторский перенос *портреты* → *люди, изображенные на этих портретах*: *Открылись двери, и с мягкими отеческими аплодисментами вошли вожди; впереди... М. И. Калинин со своей зажеванной бородой. За ним скромно шел сам. Далее следовали вожди, «портреты», среди которых заметно было отсутствие Молотова.* (Московская сага.) Автор прибегает к такому обозначению, чтобы нарисовать сцену, как бы увиденную из толпы взглядом стороннего наблюдателя, узнающего тех «вождей», портретами которых наводнена страна и которых народ воспринимает скорее не как живых людей, а как некие мифологические фигуры, известные только по изображениям.

3. Многоступенчатость метонимического переноса

В прозе Аксенова встречаются интересные индивидуально-авторские переносы, которые можно определить как многоступенчатую метонимию. Приведем примеры.

Ламадзе не только дядю Галактиона убил, на его совести немало других грузин. Он и начинал свою карьеру как наемный ствол. (Московская сага.) Цепь метонимических переносов включает три звена: *ствол оружия* → *оружие* → *вооруженный наемник.*

Он почти уже дотянулся до водосточного желоба, когда справа на уровне его колена распахнулось окошко... Выснулась шестимесячная завивка, просипела в листву: «Никого... там нету...» (Московская сага.) Метонимическая цепь состоит из четырех звеньев: *завивка* (действие) → *завивка* (результат) → *голова с завитыми волосами* → *женщина.*

«Раскручивание» цепи от конечной метонимической номинации к началу, которое должен мысленно проделать читатель, способствует актуализации переноса, делает его более зримым и выразительным.

4. Акцентирование метонимического значения посредством определения-прилагательного

Как было замечено Н. Д. Арутюновой, при сочетании существительного в метонимическом значении с определением, как правило, прилагательное остается характеристикой предмета, соотношенного с прямым значением имени, ср.: *Грязный тулуп засмеялся* [2, с. 350].

В произведениях В. Аксенова встречаются иные употребления, когда определение семантически связано с метонимическим значением существительного. Это акцентирует метонимию,

обновляя выразительность даже привычных регулярных номинаций: ...*Он мог улавливать тончайшие запахи ядов, коими была знаменита столица мира и соцреализма... начала пятидесятых, потный хмельной город молодых мужланов, почти поголовно охваченных органами...* (Кесарево свечение.) Определения *потный* и *хмельной*, сочетающиеся только с именами лиц, создают выразительный эффект метонимического значения *город* (ср. нейтральное: *Весь город был под подозрением органов*).

5. Ослабление ограничений в употреблении синтаксически связанных метонимических значений

Для прозы В. Аксенова характерно метонимическое употребление имен свойств (состояний) в значении лиц или предметов – субъектов свойств (состояний), каузаторов свойств (состояний, действий). В метонимических значениях встречаются существительные *восторг, впечатление, гордость, любовь, мечта, отрада, прелесть, соблазн, совершенство* и др., экспрессивность которых обеспечивается уже заключенной в них оценочной характеристикой.

Наиболее часто они употребляются у Аксенова применительно к лицам: *С кем, если только не с самим Вольтером, его можно поставить рядом, этого достопочтенного филозофа, гордость и украшение столетия!* (Вольтерьянцы и вольтерьянки.) *Хором теперь дирижировал Вадим Бразилевич, совершенство крупного бизнеса.* (Редкие земли.) *Вот так из колыхания толпы вдруг материализовалась его еврейская «мамаша», стыд и жалость его отрочества.* (Московская сага.)

Встречаются и употребления для характеристики неодушевленных объектов: ... *В Москву прилетят Рузвельт на своей «священной корове» и Черчилль на гордости Королевской авиации, бомбардировщике «Стерлинг».* (Московская сага.) *Резко кричали торговки студенческой отработой – горячими пирожками с требухой...* (Московская сага.)

Данные значения синтаксически ограничены позицией сказуемого (приложения) или требуют предварительной предикации. В произведениях Аксенова синтаксическая ограниченность нередко снимается, и метонимические имена свойств и состояний свободно употребляются в непредикативной функции (подлежащего, дополнения), причем без предварительной предикации. Ср.: – *Вы часто здесь бываете? – от растерянности спросил Тэлавер. Он держал в руках воплощенную прелесть и мягко с ней скользил по навощенным паркетам. Прелесть иногда касалась его мос-*

ластных ног своим прелестным коленом... (Московская сага.) ...*Наши «поляк» долго еще выискивал среди московской транспортной шелупени зеленый «линкольн», всерьез собираясь в следующий раз прыгнуть на его подножку и вырвать у «мечты» номер телефончика.* (Московская сага.)

Преодоление синтаксической связанности, как и шутливо-иронический тон повествования, придают таким употреблениям особый стилистический эффект.

6. Контекстное сочетание метонимии с другими типами значений слова

Одна из общих семантических закономерностей состоит в том, что обычно слово не может быть употреблено в предложении одновременно в двух значениях [1]. Метафора по своей природе не допускает такого совмещения, но метонимическая связь между значениями может служить причиной нарушения данной закономерности, см. [9, с. 250].

В произведениях Аксенова встречается выразительный прием контекстного сочетания метонимии со значениями других типов.

Метонимическое значение может быть сопряжено с прямым: *Все-таки он продолжал верховодить за опечаленным столом, стараясь хотя бы оставшихся напоить допьяна.* (Московская сага.) Предложно-падежная форма *за столом* несет исходное артефактное значение. В то же время определение *опечаленный*, приложимое лишь к именам лиц, вызывает контекстное прочтение слова *стол* как ‘люди, собравшиеся за столом’.

Более редкий случай – совмещение двух метонимических значений: узуального ‘чаепитие’ и индивидуально-авторского ‘встреча, беседа с чаепитием’: ...*За столом идет столь обычный для России тех лет бесконечный интеллигентский чай на тему о смысле жизни, о народе, о долге перед народом, о религии, о литературе, о невероятном летательной аппарате с двигателем внутреннего сгорания...* (Любовь к электричеству.)

Интересны встречающиеся у Аксенова контексты, где можно одновременно видеть метонимию и олицетворение.

Лингвистами высказывались разные точки зрения на возможность совмещения двух этих тропов в художественном тексте. Е. А. Некрасова пишет о «принципе “взаимоисключения” метонимии и олицетворения» [7, с. 119]: читателю нужно сделать выбор в пользу либо одной, либо другой интерпретации контекста. По мнению других авторов, оба тропа могут быть объединены в одном и том же словоупотреблении, если метонимия «сопровождается одушевлением» [14, с. 98].

Приведем цитату из романа «Ожог»:

– Я бы, товарищи, еще трижды подумал, оставлять ли его во главе столь ответственного участка, как Лаборатория номер четыре, – сказал **Партком**. – Есть мнение, что это не просто больной человек, но с определенным направлением ума.

– Ничего определенного в этом смысле нет, – мягко уточнила **Спецчасть**. – Наблюдение дает противоречивые данные. Во время последнего запы Куницер неоднократно выкрикивал проклятия в адрес, как они нас называют, Софьи Власьевны, но также несколько раз рыдал и требовал свободы для Анджелы Дэвис...<...>

– Да бросьте вы, ребята, – улыбнулась легкомысленная **Наука**...<...>

– Он действительно в рот больше не возьмет? – сумрачно поинтересовалась **Администрация**. (Ожог.)

В этом контексте слова **Партком**, **Спецчасть**, **Наука**, **Администрация** допускают метонимическое прочтение: люди, представители названной сферы. Интерпретация в пользу олицетворения также оказывается возможной, поскольку каждый из участников разговора делает высказывания, символизирующие сущность своей сферы: «идейность» **Парткома**, абсолютную осведомленность **Спецчасти**, деловитость **Администрации**, легкомысленное невнимание **Науки** к бытовым грехам. Кроме того, на персонификацию автор настраивает читателя орфографически – написанием с прописной буквы.

Контекстные сопряжения разных значений слова создают эффект многомерного, стереоскопического изображения ситуации. Слово переливается разными гранями, которые высвечиваются и воспринимаются читателем поочередно, в зависимости от выбранного угла зрения.

Итак, пристрастие к метонимии – одна из характерных черт идиостиля Василия Аксенова. Творческое использование метонимических возможностей языка, расширение стилистических и лексических границ узуальных метонимических моделей, актуализация образности, употребление эмоционально-экспрессивных и оценочных номинаций, ирония – все это проявление творческой раскованной манеры писателя. Метонимия, используемая не как нейтральная номинация, а как троп, придает языку Аксенова дополнительную яркость и узнаваемость, говорит о нем как о подлинном мастере слова.

Библиографический список

1. Апресян, Ю. Д. Избранные труды. Том I. Лексическая семантика (синонимические средства языка) [Текст] / Ю. Д. Апресян. – М.: Школа «Языки русской культуры», Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995. – 472 с.
2. Арутюнова, Н. Д. Языковая метафора (синтаксис и лексика) [Текст] / Н. Д. Арутюнова // Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. – М.: «Языки русской культуры», 1999. – С. 346–370.
3. Королева О. Э. Метонимия как тип значения: семантическая характеристика и сферы употребления [Текст] / О. Э. Королева. – Обнинск: Институт муниципального управления, 2002. – 158 с.
4. Ланин, Б. А. Проза русской эмиграции (третья волна) [Текст] : пособие для преподавателей литературы / Б. А. Ланин. – М.: Новая школа, 1997. – 208 с.
5. Мезенин, С. М. Образность как лингвистическая категория [Текст] / С. М. Мезенин // Вопросы языкознания. – 1983. – № 6. – С. 48–57.
6. Москвин, В. П. Выразительные средства современной русской речи: Тропы и фигуры. Общие и частные классификации. Терминологический словарь [Текст] / В. П. Москвин. – Изд. 2-е. – М.: ЛЕНАНД, 2006. – 376 с.
7. Некрасова, Е. А. Метонимический перенос в связи с некоторыми проблемами лингвистической поэтики [Текст] / Е. А. Некрасова // Слово в русской советской поэзии / отв. ред. В. П. Григорьев. – М.: Наука, 1975. – С. 111–131.
8. Немзер А. С. Литературное сегодня. О русской прозе. 90-е [Текст] / А. С. Немзер. – М.: Новое литературное обозрение, 1998. – 432 с.
9. Падучева, Е. В. Пространство в обличии времени и наоборот (к типологии метонимических переносов) [Текст] / Е. В. Падучева // Логический анализ языка. Языки пространств / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 239–254.
10. Поцепня, Д. М. Образ мира в слове писателя [Текст] / Д. М. Поцепня. – СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 1997. – 264 с.
11. Раевская, О. В. О некоторых типах дискурсивной метонимии [Текст] / О. В. Раевская // Известия АН. Серия литературы и языка. 1999. № 2. – С. 3–12.
12. Скляревская, Г. Н. Метафора в системе языка [Текст] / Г. Н. Скляревская. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2004. – 166 с.

13. Томашевский, Б. В. Теория литературы. Поэтика [Текст] : учеб. пособие / Б. В. Томашевский. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 334 с.
14. Усминский, О. И. Сенсорные тропы: классификация, значения, функции [Текст] / О. И. Усминский. – Тюмень : Изд-во ТГУ, 1996. – 150 с.
15. Черникова, Н. В. Метафора и метонимия в современной неологии [Текст] / Н. В. Черникова // Филологические науки. – 2001. – № 1. – С. 82–90.
16. Чхеидзе, В. В. Статика и динамика метонимии [Текст] / В. В. Чхеидзе // Вестник СПбГУ. Серия 2. 1992. – Выпуск 2 (№ 9). – С. 118–120.
17. Шмелев, Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка) [Текст] / Д. Н. Шмелев. – М.: Наука, 1973. – 280 с.
18. Юрина, Е. А. Образный строй языка [Текст] / Е. А. Юрина. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 2005. – 156 с.
19. Якобсон, Р. Заметки о прозе Бориса Пастернака [Текст] / Р. Якобсон // Якобсон Р. Работы по поэтике: Переводы. – М.: Прогресс, 1987. – С. 324–338.
20. pojetiki [Текст] / Е. А. Nekrasova // Slovo v ruskoj sovjetskoj poezii / Otv. red. V. P. Grigor'ev. – М.: Nauka, 1975. – С. 111–131.
21. 8. Nemzer A. S. Literaturnoe segodnja. O ruskoj proze. 90-e [Текст] / A. S. Nemzer. – М.: Novoe literaturnoe obozrenie, 1998. – 432 s.
22. 9. Paduceva, E. V. Prostranstvo v oblichii vremeni i naoborot (k tipologii metonimicheskikh perenosov) [Текст] / E. V. Paduceva // Logicheskij analiz jazyka. Jazyki prostranstv / Otv. red. N D. Arutjunova, I. B. Levontina. – М.: Jazyki ruskoj kul'tury, 2000. – С. 239–254.
23. 10. Pоcepnja, D. M. Obraz mira v slove pisatelja [Текст] / D. M. Pоcepnja. – SPb.: Izd-vo S.-Peterburgskogo un-ta, 1997. – 264 s.
24. 11. Raevskaja, O. V. O nekotoryh tipah diskursivnoj metonimii [Текст] / O. V. Raevskaja // Izvestija AN. Serija literatury i jazyka. 1999. № 2. – С. 3–12.
25. 12. Skljarevskaja, G. N. Metafora v sisteme jazyka [Текст] / G. N. Skljarevskaja. – SPb.: Filologicheskij fakul'tet SPbGU, 2004. – 166 s.
26. 13. Tomashevskij, B. V. Teorija literatury. Pojetika [Текст] : ucheb. posobie / B. V. Tomashevskij. – М.: Аспект Press, 1996. – 334 s.
27. 14. Usminskij, O. I. Sensornye tropy: klassifikacija, znachenija, funkcii [Текст] / O. I. Usminskij. – Tjumen' : Izd-vo TGU, 1996. – 150 s.
28. 15. Chernikova, N. V. Metafora i metonimija v sovremennoj neologii [Текст] / N. V. Chernikova // Filologicheskie nauki. – 2001. – № 1. – С. 82–90.
29. 16. Chheidze, V. V. Statika i dinamika metonimii [Текст] / V. V. Chheidze // Vestnik SPBGU. Serija 2. 1992. – Vypusk 2 (№ 9). – С. 118–120.
30. 17. Shmelev, D. N. Problemy semanticheskogo analiza leksiki (na materiale russkogo jazyka) [Текст] / D. N. Shmelev. – М.: Nauka, 1973. – 280 s.
31. 18. Jurina, E. A. Obraznyj stroj jazyka [Текст] / E. A. Jurina. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 2005. – 156 с.
32. 19. Jakobson, R. Zаметки о прозе Бориса Пастернака [Текст] / R. Jakobson // Jakobson R. Raboty po pojetike: Perevody. – М.: Progress, 1987. – С. 324–338.

Bibliograficheskij spisok

1. Apresjan, Ju. D. Izbrannye trudy. Tom I. Leksicheskaja semantika (sinonimicheskie sredstva jazyka) [Текст] / Ju. D. Apresjan. – М.: Shkola «Jazyki ruskoj kul'tury», Izdatel'skaja firma «Vostochnaja literatura» RAN, 1995. – 472 s.
2. Arutjunova, N. D. Jazykovaja metafora (sintaksis i leksika) [Текст] / N. D. Arutjunova // Arutjunova N D. Jazyk i mir cheloveka. – М.: «Jazyki ruskoj kul'tury», 1999. – С. 346–370.
3. Koroleva O. Je. Metonimija kak tip znachenija: semanticheskaja harakteristika i sfery upotreblenija [Текст] / O. Je. Koroleva. – Obninsk: Institut municipal'nogo upravlenija, 2002. – 158 s.
4. Lanin, B. A. Proza ruskoj jemigracii (tret'ja volna) [Текст] : posobie dlja prepodavatelej literatury / B. A. Lanin. – М.: Novaja shkola, 1997. – 208 s.
5. Mezenin, S. M. Obraznost' kak lingvisticheskaja kategorija [Текст] / S. M. Mezenin // Voprosy jazykoznanija. – 1983. – № 6. – С. 48–57.
6. Moskvин, V. P. Vyrizitel'nye sredstva sovremennoj ruskoj rechi: Tropy i figury. Obshhie i chastnye klassifikacii. Terminologicheskij slovar' [Текст] / V. P. Moskvин. – Изд. 2-е. – М.: LENAND, 2006. – 376 с.
7. Nekrasova, E. A. Metonimicheskij perenos v svjazi s nekotorymi problemami lingvisticheskoj